

Петербургские недоброжелатели

Мегаполисы — порождение индустриальной и постиндустриальной эпохи. Еще в начале 1900-х гг. города с миллионным населением в мире были довольно редки, а наиболее близким из них для нас был Петербург.

То, что некоторые элементы в России всегда недолюбливали Петербург, то, что он был заклеен как логово Антихриста, в целом известно. Предсказывающая уничтожение и опустошение города легенда связывалась с брошенной Петром Великим женой Евдокией Лопухиной, которая прокляла город, посулив: «Быть Петербургу пусту». Содержание легенды снова приобрело актуальность в конце XIX — начале XX в., а во время гражданской войны апокалиптики Серебряного века собственными глазами могли видеть, как город, ввергнутый большевиками в нищету, начинал увядать и пустеть, а его население сократилось втрое, что в истории мегаполисов новейшего времени было делом несслыханным.

Развивавшаяся в свое время староверами и славянофилами идея об уничтожении Петербурга прочно витала в России в порожденной Первой мировой войной атмосфере. Оттуда эта тема, определенно, пришла и в Финляндию. Но ненависть к огромному городу была в то время очень распространенным явлением, а с другой стороны, именно ненависть к Петербургу явно получала известную подпитку среди некоторых представителей финской интеллигенции в силу внутривнутриполитических условий.

Современные мегаполисы — не только совершенно новые места проживания, они также способствуют становлению особого образа жизни, который вызывает отнюдь не только один восторг. Еще Маркс утверждал, что промышленность порождает нового человека, и в мегаполисах это действительно происходило, к сожалению, как считали многие. Городской образ жизни означал, по мнению многих, прежде всего, разрушение органических социальных связей, того, что немецкий социолог Фердинанд Теннис назвал «гемейншафт», и превращение человека в лишенное корней существо, безликий винтиком механического «гезельшафта», содержанием жизни которого было возбуждение своих нервов. Мегаполис представлял собой как культурный, так и физический упадок, и к порожденным им болезням относились как «ухудшающие расу» половые болезни и алкоголизм, так и такие, подобные душевной заразе заболевания, как социализм и анархизм.

Антиурбанизм в первой половине прошлого столетия был свойственен представителям консервативных революционных кругов, но давал о себе знать и на левом политическом фланге. В Советском Союзе процветали, особенно в период первого пятилетнего плана, идеи о зеленых маленьких городах и замене ими прежних крупных городов. В Германии клявшиеся именем расы и земли политические подстрекатели направили острие своего нападения против крупных городов. Дегенерация и декаданс, которые стали восприниматься в качестве основной опасности для культуры, связывались именно с атмосферой больших городов. Берлин, как «греховный Вавилон», в 1920-е гг. оказался объектом особенной ненависти Гитлера. Сельские ценности сохранялись в почете также в программе нацистов, что позже не помешало Гитлеру одобрить отмеченные мегаломанией проекты зданий для украшения Берлина. В этом он соперничал со Сталиным, у которого имелся собственный проект самого огромного в мире здания.

В среде финских правых радикалов можно найти также общую нелюбовь к городам, что едва ли можно считать неожиданным. В студенческих кругах руководство АКС относилось довольно враждебно к легкомысленному Хельсинки. В студенческой среде легкомысленным и беспечным считали землячество Этеля-Суоми (Южная Финляндия), которое не слишком считалось со всем этим обществом и его идеями, так что оно постоянно служило ему в качестве мишени.

В частности, объектом антипатий известной части финской интеллигенции был Петербург, город финской судьбы, тень которого простиралась над Финляндией с момента его основания. Уже Хенрик Габриель Портан в XVIII столетии надеялся на успех Екатерины Великой в ее стремлении захватить Константинополь, что освободило бы Финляндию от соседства российской столицы и тем самым «спасло» бы страну от опасного геополитического положения. Как известно, этого не произошло. Петербург поглотил всю Финляндию в Российскую империю. Несмотря на это, совместное бытие Финляндии и Петербурга, казалось, протекало довольно гармонично до конца XIX в., пока правительство не перешло к основанной на геополитике политике унификации, тем самым разрушив основательно финляндско-русские отношения.

Испытываемые к Петербургу как столице тирании чувства есть основание также рассматривать с точки зрения общей нелюбви в то время к крупным городам. Следует помнить, что характерной чертой первой половины 1900-х гг. был общий кризис морали,

в котором часто крайне нетерпимые представления традиционно общества наткнулись на либертинизм и «декаданс» городской среды. Подобный Петербургу крупный город для многих представителей финской интеллигенции был не только сосредоточением населения, но также и воплощением искривленного и губительно-го образа жизни. Для Ирмари Рантамала — Майю Лассила — он был, в частности, «Мельницей злого духа», в котором оплаченные страданиями бедного народа нажитые богатства прожигались в необузданном разврате. В Петербурге сосредотачивались как блеск императорского двора и аристократии, так и примитивный упадок народа. На самой вершине общества эти два уровня воплощались в отношениях двора и Распутина. По мнению чтящих законы и право финнов, к упадку петербургской морали относилось также извечное пренебрежение принципами права в зависимости от прихоти самодержца, и «петербургский путь» символизировал политическое шулерство и подлость. В XIX в. финские газеты доказывали также, что такие на первый взгляд пустяковые вещи, как выпрашивание чаевых, сильно ударили по финскому представлению о праве и чувстве меры. Это очень раздражало приезжавших в Петербург.

Вероятно, сейчас для многих финнов может быть удивительным, что мысль об уничтожении Петербурга промелькнула не только в российских литературных кругах, но получила поддержку и в некоторых финских праворадикальных кругах. Эта идея, которую на основе оценок биографии, написанной Мартти Ахти, разрослась в голове основателя общества АКС Элмо Э. Кайла до масштабов мании, не была секретом и для русских. Если белоэмигранты в 1919 г. противились участию «чухны» в оккупации Петербурга, т. к. те, в соответствии со своим лахтарским характером, уничтожили бы там все и убили бы даже юных гимназистов, то анекдотом в этом случае и не пахло. События в Выборге в 1918 г. еще были живы в памяти.

Каким образом огромный город мог быть уничтожен финнами? Вспоминая об опыте Второй мировой войны, можно сказать, что никаким. Тогда, правда, это еще не понималось, что, пожалуй, отчасти отражается в известной фантазии о «расстоянии пушечного ядра», которой опасность положения Ленинграда как соседа Финляндии объяснял, например, Молотов в своих выступлениях. В действительности, огромный город вовсе не был нежным оранжерейным цветком, а средоточением силы, которую, с военной точки зрения, можно считать в окружающем его мире угрожаю-

щим кулаком. В западной русофобской литературе Петербург изображали «искусственным городом», который был основан по приказу властей вне нормальных путей снабжения именно для того, чтобы угрожать европейским государствам.

Во время Второй мировой войны возможность действительно уничтожить Ленинград была, во всяком случае, более или менее реальной. Фантазии-фобии в отношении Петербурга предшествующего поколения, казалось, могут быть воплощены в ситуации, которую едва ли кто-то в действительности ожидал, хотя о безопасности города заботились с момента его основания.

Речи об опасном положении Ленинграда вследствие того, что финляндская граница находится на расстоянии полета пушечного ядра, были совершенно абсурдны. От Ленинграда ближайшим финским городом был все-таки расположенный в ста пятнадцати километрах от него Выборг. Он, таким образом, являлся тем местом, которое могло служить в качестве плацдарма для таких крупных частей, с помощью которых можно было хотя бы помышлять при некоторых условиях о нападении на Ленинград.

Опасность расположения Ленинграда вблизи финляндской границы относилась, в действительности, к Финляндии, и летом 1944 г. она стала актуальной. На финской стороне границы не могло остаться незамеченным сосредоточение такой армии для нападения на соседа, какая была сосредоточена в Ленинграде против Финляндии летом 1944 г. Соответствующая переброска войск за сотню километров от города была бы намного труднее.

Расположение Ленинграда в непосредственной близости от финской границы без буферного пояса было потенциально опасным для Финляндии, но в этом отношении едва ли что-то можно было сделать в географии. С точки зрения Советского Союза, действительная опасность едва ли имела, т. к. переброску войск на финской стороне легко заметить вовремя и предпринять соответствующие политические и военные меры, которые великолепно могли быть осуществлены в силу имеющихся у великой державы и огромного города возможностей. Речи о том, что город находится в опасности из-за расположения на расстоянии полета пушечного ядра, были, разумеется, предназначены для дураков. Кто бы доставил эти дальнобойные орудия к границе? А Ленинград даже при малейшей угрозе защищали бы тысячи орудий. В 1939 г. у Финляндии имелось всего только четыреста полевых орудий, да и то легких. Если этот арсенал стали бы собирать на перешейке, то, разумеется, с угрожаемой стороны выставили бы

требования против прекращения такой деятельности или могли даже легко повлиять на дело вооруженными действиями.

Речи о безопасности Ленинграда предназначались, очевидно, в действительности, прежде всего, для обеспечения престижа Советского Союза и представлявшего его сталинского режима. Нахождение маленького государства с пограничными шлагбаумами и пограничными катерами у ворот города было, с этой точки зрения, просто наглостью.

Разумеется, военно-морские стратеги в Советском Союзе расчерчивали сектора обстрелов на своих картах и докладывали Сталину о своих оценках того, что было бы «необходимо» для защиты Ленинграда. В действительности пересекающее линию между Ханко и Осмуссаари движение во время войны шло довольно бойко, хотя советские орудия и войска были размещены в соответствии с планами. Военное значение во время войны купленных большой кровью баз было почти нулевым. Десантные операции против огромного города оказались фантазией, их никогда бы и не предпринимали. Можно только представить себе, насколько более выгодным было бы положение Ленинграда во время нападения Германии, если бы Финляндия в 1939 г. была оставлена в покое и сохранила свой нейтралитет. Бессмысленное нападение Сталина на Финляндию в 1939 г. не создало предпосылок для безопасности Ленинграда, но в значительно большей степени уничтожило их.

Во время войны-продолжения Ленинград оказался жертвой огромной катастрофы, которой не оказывался никогда современный крупный город. В воспаленном мозгу Гитлера созрел также план его уничтожения, и старая идея, которая ранее принадлежала сфере фантазии, казалось, действительно станет воплощенной политикой. Нельзя утверждать, что и в финских кругах не было ни одного такого человека, который не одобрял бы эту варварскую идею. Внешне это устранило бы ту «причину», на которую время от времени ссылался восточный сосед, находя оправдания для направленного против Финляндии насилия. Во всяком случае, уничтожение Ленинграда никогда не было идеей государственного руководства Финляндии, и Маннергейм комментировал ее реалистически — русские выстроят новый Петербург.

Вообще фобия в отношении крупных городов и особенно фобия в отношении Петербурга принадлежат теперь истории, которая для нынешнего поколения звучит как экзотика. В наши дни Петербург начинает для нас, финнов, становиться почти соседом

по дому, который представляет скорее высокую культуру и экспортный рынок, чем военную угрозу или моральное разложение. Огромный город уже не чуждое для нас явление. В этой категории находится также и наш собственный, с населением более миллиона человек Большой Хельсинки, урбанизация которого и космополитизм — в хорошем и плохом — отнюдь не уступают метрополии на Неве.

Финны в Восточной Карелии

Ингерманландцы, почти полтора ста тысяч переселенных в XVII столетии финнов-лютеран, образовывали одну, хотя и не самую крупную финскую группу в Советском Союзе. В России финны до революции жили, помимо Петербурга, где их было почти двадцать тысяч, и в других местах — небольшое количество на Дальнем Востоке, в Мурманске и в Восточной Карелии, даже на Кавказе.

После революции большая часть финнов вернулась в Финляндию настолько быстро, насколько могла. Их количество Пекка Невалайнен определял примерно в 19 500 человек. На их место, однако, вскоре пришли новые. После неудачного восстания 1918 г. из Финляндии в Россию бежали около 10 000 человек, из которых довольно значительная часть вскоре вернулась в Финляндию. Помимо так называемых красных появились и другие. В начале 1930-х гг. из Финляндии в Советский Союз перешли через границу свыше 10 000 человек. Кроме того, в то же время приехали из Северной Америки страдавшие от жестокого экономического кризиса примерно 6000 тамошних финнов. Большая часть всех их была размещена на жительство в Восточной Карелии, где уже в 1920 г. была основана Карельская Трудовая Коммуна (с 1923 г. — Карельская автономная социалистическая республика).

На этой территории вторым языком был финский, и т. к. карельский язык считался диалектом финского, полагали, что примерно 80 000 карел должны учить финский язык и приобретать образование на этом языке. Эта так называемая политика карелизации была общим принципом местного применения, который в то время был в силе в Советском Союзе и был известен под названием «коренизация». В рамках этой политики стремились предоставить людям местной национальности возможность использовать собственный язык, как в начальной школе, в управлении, так и в целом в культуре.